

УДК 340.1

DOI 10.25688/2076-9113.2021.43.3.02

П. В. Васильев

Нетипичные, квази- и псевдоявления юридической реальности: отдельные проблемы и гипотезы их решения

В статье рассмотрены проблемы образования и использования юридических терминов с использованием форм имени прилагательного «нетипичные», а также морфем «квази-» и «псевдо-». Нетипичными предложено называть множественные явления, имеющие как содержательную, так и формальную общность с базовыми при различии с ними также в содержательных и формальных свойствах. Приставку «квази-» уместно использовать для обозначения явлений, сходных с базовым только содержательно, а «псевдо-» — для обозначения явлений, сходных с базовыми только формально.

Ключевые слова: юридическая терминология; нетипичные юридические явления; юридические квазиявления; юридические псевдоявления.

Сегодня можно встретить множество научных работ, в которых присутствует терминология, сочетающая формы имени прилагательного «нетипичные», а также морфемы «квази-» и «псевдо-».

Объединение проблематики изучения нетипичных, квази- и псевдоявлений в рамках одного исследования обусловлено общностью генезиса их возникновения или обнаружения. Изучаемые явления либо созданы путем изменения некоторых свойств базовых явлений (например, нетипичные формы правления), либо выявлены посредством диалектического сопоставления и противопоставления значимых для исследователя свойств базовых и производных явлений (например, юридические квазипоследствия [5]).

Принимая во внимание существенное расхождение во взглядах исследователей на научную терминологию, обозначим некоторые исходные суждения.

Научную проблему мы понимаем в философском смысле, то есть как специфическую форму научного знания о явлениях объективной или субъективной реальности, подробная характеристика которой обстоятельно представлена в специальной литературе [2, с. 85]. Любое знание о явлении — это суть отражение его свойств в принятой исследовательской парадигме. Последнюю мы понимаем в том смысле, который заложен в этот термин Т. Куном [9, с. 11].

В юридической реальности существуют лишь явления (феномены), то есть самостоятельные вещи, процессы и отношения. Явления обладают свойствами.

Последние самостоятельно от явлений не существуют, их никак нельзя считать явлениями без необоснованного удвоения реальности. Свойства явлений получают отражение в сознании познающего субъекта, образуя отдельные *признаки* и их системы, то есть *понятия*. Весьма распространенная методологическая ошибка исследователей, по нашему мнению, состоит в том, что какое-либо свойство явления в нарушение принципов системности и всесторонности получает отражение как *самостоятельное явление*. основополагающие суждения относительно типов юридических явлений и их свойств представлены нами в статье «О разработке основополагающей типологии государственно-правовых явлений» [4].

Под формой явления в настоящем исследовании понимаем способ существования его содержания. Последнее представляет собой систему существенных свойств, обуславливающих собственное качество этого явления. Диалектика — это методологический подход к познанию некоторого множества, класса явлений, предполагающий использование парных категорий, отражающих изменения в формальных и содержательных свойствах явлений по мере развития последних, описываемого законами отрицания отрицания, единства и борьбы противоположностей, взаимного перехода количественных изменений в качественные. В данном случае это важно, так как нетипичные, квази- и псевдоявления генетически производны от базовых либо понимание явлений изучаемого класса образовано путем последовательного со- и противопоставления их свойств со свойствами базовых явлений по заданным критериям.

Проблема разграничения свойств квази- и псевдоявлений осложнена также некоторой общностью смысла, вкладываемого справочными словарными изданиями в данные морфемы. Так, согласно «Большому толковому словарю русского языка» С. А. Кузнецова морфема «квази-» происходит от латинского слова *quasi*, обозначающего «как будто, будто бы», и представляет собой первую часть сложных слов со смыслом «мнимый, ложный, ненастоящий», а морфема «псевдо-» — от греческого слова ψεύδος, обозначающего «ложь», «вымысел», представляет она собой первую часть сложных слов и вносит значение «ложный, мнимый» [3, с. 424, 1041]. Однако закономерности соотношения содержательных и формальных свойств нетипичных, квази- и псевдоявлений юридической реальности с аналогичными свойствами их базовых явлений существенно различны. Именно это обстоятельство обусловило необходимость самостоятельного рассмотрения изучаемых явлений как некоторого однородного класса, внутри которого предлагаем различать существенные видовые различия.

Заложенная Аристотелем и поддержанная наукой традиция обосновывать научные выводы эмпирическими данными предопределяет обращение к анализу практики употребления терминологии, обозначающей указанный класс явлений.

Так, 17 апреля 2021 года мы воспользовались популярным научным ресурсом «Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU» для получения

следующей эмпирической информации. В графе поиска «Что искать» при ограничении тематики поиска опцией «Государство и право. Юридические науки» и при прочих равных условиях были сделаны три запроса: первый — с формулировкой «нетипичные», второй — «квази-», а третий — «псевдо-». Результатом поиска стало обнаружение из 36 566 728 имевшихся в базе работ следующего количества публикаций: по первому запросу — 897, по второму — 213, по третьему — 72. Данная эмпирическая информация показывает, во-первых, некоторый интерес к явлениям, обладающим необычными для отечественной юридической науки свойствами; во-вторых, нежелание авторов использовать терминологию, сочетающую формы имени прилагательного «нетипичные», а также морфемы «квази-» и «псевдо-»; в-третьих, нетипичные явления используются в юридической науке в 4,2 раза чаще, чем квазиявления, и в 12,4 раза чаще, чем псевдоявления.

Все три разновидности упомянутых явлений существуют в юридической реальности и входят в общий предмет юридической науки. Почему же авторы предпочитают избегать использования терминологии, связанной с указанными словоформами? Полагаем, что это обусловлено, во-первых, очевидным консерватизмом юридического мышления; во-вторых, неразвитостью методологии обнаружения и изучения таких явлений; в-третьих, как ни парадоксально, отсутствием выработанных и принятых научным юридическим сообществом правил терминообразования и употребления подобной терминологии.

Проблема консерватизма в юриспруденции получила достаточно пространное, на наш взгляд, описание в работах по данному предмету. Так, известный дореволюционный правовед С. А. Муромцев в работе «О консерватизме римской юриспруденции: опыт по истории римского права» [12] изложил аспекты, вполне относимые к современной юриспруденции. Проблема консерватизма современного научного юридического мышления имеет множество самостоятельных аспектов, носящих более общий характер (методологический, мировоззренческий и др.), чем затронутый терминологический аспект, и может стать предметом самостоятельного изучения. В настоящем исследовании мы лишь обозначаем ее существование.

Относительно проблемы неразвитости методологии обнаружения и изучения таких явлений заметим, что она имеет также общий характер и может стать предметом обстоятельного исследования монографического уровня. Однако некоторые основополагающие суждения относительно методологии решения проблемы понимания юридических квази- и псевдоявлений считаем возможным и целесообразным предложить уже в настоящей работе.

Реализация закона достаточного основания в человеческом познании предполагает *фиксацию форм явлений*, абстрагируясь от которых познающий субъект осуществляет переход к пониманию содержания явления. Именно такой подход к научному познанию был заложен Аристотелем. Следуя аристотелевскому подходу изучения явлений от формы к содержанию, вначале рассмотрим сугубо формальный, то есть терминологический аспект проблемы.

Он состоит в *отсутствии выработанных и принятых научным юридическим сообществом правил терминообразования и употребления терминологии, пригодной для обозначения нетипичных, квази- и псевдоявлений.*

Применительно к изучаемому аспекту предмет исследования составляют *закономерности образования и употребления терминологии, отражающей нетипичные, а также квази- и псевдоявления.* Постараемся их выявить и сформулировать.

Если по поводу раздельного написания форм имени прилагательного «нетипичные» с другими лексемами неопределенности не выявлено, то этого нельзя сказать о практике терминологического обозначения квази- и псевдо-явлений. Изучение научных публикаций позволяет обнаружить как минимум четыре самостоятельных способа написания морфемы «квази-»: как приставки, например при обозначении феномена «квазипрофессиональное сознание» [16, с. 13], через дефис — «квази-обременения» [11], раздельное с основным словом — «квазиуголовная ответственность» [6], и даже в скобках — «(квази)спонтанная студенческая коммуникация» [20]. По поводу написания морфемы «псевдо» наблюдаем практически такое же многообразие: слитное написание, например, «псевдоколлизии в праве» [19], раздельное — «псевдо льготы» [1], через дефис — «псевдо-рабский» [8]. Полагаем, что изложенное доказывает существование обозначенной терминологической проблемы.

Обнаруженное нами в справочном издании по русскому языку правило написания: «Слитно пишутся начальные составные части *квази-, пан-, псевдо-*. Однако перед собственным именем они пишутся через дефис (*квази-Репин, пан-Америка, псевдо-Вольтер*)» [14, с. 77] — позволяет удовлетворительно снять указанную проблему. Заметим, что представленная позиция непосредственно основана на тексте Правил русской орфографии и пунктуации, утвержденных Академией наук СССР, Минвузом СССР и Минпросом РСФСР в 1956 году.

Можно было бы сделать упрек авторам неправильных способов написания указанных морфем в том, что они просто не знают правил русского языка. Однако при более общей постановке проблема терминологического обозначения сложных юридических явлений не может быть удовлетворительно решена забуриванием учебного материала. Дело в том, что научное мышление, привыкшее подчиняться закону достаточного основания, требует ответа на вопрос о причинах такого написания, а популярные справочные издания по русскому языку его не дают. Ответ на поставленный вопрос считаем возможным обнаружить в парадигме диалектики формы и содержания явлений.

Считаем аксиомой суждение о том, что *лексические решения по оформлению знания должны адекватно отражать сущность явления, то есть гармонично входить в систему терминологического аппарата науки, не вводя в заблуждение относительно его свойств, не создавая лишних, запутывающих понимание аллюзий.*

Указанное выше правило о написании слов с морфемами «квази-» и «псевдо-» применимо для снятия указанной терминологической проблемы, так как изучаемые явления *имеют единую и принципиально неделимую (без потери смысла) сущность*. Полагаем, что *единство неделимой сущности должно обуславливать соответствующее единство формы, то есть слитного в данном случае написания указанных морфем с основным словом*.

Если научное сообщество разделит с нами данное убеждение, то логично определить общий методологический подход к поиску решений указанной проблемы. *Первоначально необходимо отразить содержательные свойства нетипичных, квази- и псевдоявлений, а потом уже подбирать соответствующую терминологию для их оформления*.

Через дефис предлагаем писать вновь вводимую юридическую терминологию в том случае, если новый термин обозначает системное явление и имеет по этой причине в своем составе два или более термина, «обозначающих равноправные понятия» [14, с. 84] о явлениях, способных самостоятельно существовать друг без друга. При этом, будучи соединенными, эти явления обуславливают возникновение качественно новых интегративных свойств производного явления, принципиально отсутствующих у базовых. Если у автора возникает потребность в обозначении таких явлений с акцентированием внимания на этих интегративных свойствах, то вводимый термин целесообразно писать через дефис. Например, контрадикторно-трансформационный метод исследования, предлагает писать именно через дефис, так как он состоит в изменении исходной модели явления таким образом, что в производной модели изучаемого явления исследователь может обнаружить трансформацию свойств (выход за пределы базовой формы) — трансформационный аспект, но именно посредством контрадикции, то есть полного отрицания базового свойства в новой модели — контрадикторный аспект. При этом в качестве самостоятельных методов могут быть использованы как трансформационный, так и контрадикторный методы исследования [15, с. 41–54].

Если же перед нами не связанное неразрывным единством множественное явление, например обозначаемое терминами «источники права», «функции права», то все лексемы целесообразно писать отдельно. В таких случаях лексемы в их сочетаниях неравноправны, так как акцент сделан на первых словах. При этом у познающего субъекта есть возможность доказать отдельное существование как самого права, которое может и не функционировать (утратившие регулятивную силу древние памятники права; право, еще не получившее такую силу), так и источников в информационном смысле слова, которые к праву не имеют никакого отношения (художественная литература, публицистические работы и т. д.).

Принимая во внимание, что среди явлений изучаемого класса наибольшую распространенность имеют нетипичные, полагаем уместным начать изучение именно с них.

В текстах правовых актов формы имени прилагательного присутствуют, хотя и весьма ограниченно. Так, например, Росстат к нетипичным индивидуальным предпринимателям относит «хозяйствующие субъекты, у которых показатели “количество грузовых автомобилей”, “среднее расстояние перевозки одной тонны груза” или один из перечисленных показателей находятся за пределами, определенных экспертным путем максимального и минимального их пороговых значений»¹. В современной юридической науке упоминание нетипичных явлений распространено несколько шире, чем в практике. Различным нетипичным правовым явлениям внимание уделяли как отечественные, так и зарубежные исследователи. При этом каждый из авторов представляет свое видение *нетипичности* как свойства изучаемого им явления. Однако теоретически обобщенного понимания нетипичности как основного свойства указанных явлений в изученных работах обнаружить не удалось.

Изучение нетипичных юридических явлений на основе индуктивного методологического подхода показало существенное разнообразие в используемой терминологии. При этом нередко можно встретить использование форм имени прилагательного «нетипичные» в значениях, никак не соотносимых с пониманием категории «тип». Иными словами, часто вообще непонятно, почему авторы считают одни явления типичными, а другие нет. Однако в научной литературе представлены методологически ценные суждения относительно выявления и изучения нетипичных явлений. Так, например, с точки зрения внешнего проявления нетипичных феноменов речи представляет интерес замечание В. М. Сырых о нетипичных источниках научных публикаций. К последним автор относит опубликованные рукописные и эпистолярные работы, в которых в *«незавершенной»* (курсив наш. — П. В.) форме могут содержаться отдельные принципиально важные теоретические положения по вопросам общей теории права» [17, с. 153]. Принимая во внимание предметную область теории и истории права и государства, было бы отступлением от принципа полноты оставление без внимания нетипичных явлений из сферы государства. Наиболее широко известными нетипичными явлениями, получившими отражение в государствоведении, выступают нетипичные формы правления.

Сказанное позволяет констатировать один значимый для нас научный факт — несмотря на достаточно широкую распространенность нетипичных юридических явлений и наличие отдельных теоретических и отраслевых разработок проблематики частных нетипичных феноменов, в теории права и государства отсутствуют какие-либо результаты генерализации знания о нетипичных юридических явлениях в целом.

¹ Приказ Росстата от 29 ноября 2013 г. № 458 «Об утверждении официальной статистической методологии формирования официальной статистической информации об общем объеме коммерческой перевозочной деятельности грузового автомобильного транспорта» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157163/ (дата обращения: 19.04.2021).

Само имя прилагательное «нетипичный» предполагает существование явлений типичных, то есть относимых к типу. По этой причине полагаем методологически оправданным, во-первых, установить понимание типа юридических явлений; во-вторых, определить типичные юридические явления; в-третьих, осуществив отрицание типичных свойств при сохранении других сущностных свойств (контрадикторно-трансформационный метод), разработать понимание нетипичных юридических явлений.

Справочные словарные издания определяют категорию «тип» в интересующем нас смысле как некоторый образец, своеобразную модель, форму, которым соответствует группа каких-либо явлений [3, с. 1323], разновидность явления, которое вместе с другими подобными составляют группу [18, с. 1357]. Словарное понимание типа говорит нам о том, что это некая *модель совокупности явлений в их однородном множестве, сформированная посредством выделения их наиболее существенных и устойчивых признаков.*

Можно заметить, что тип понимается в двух взаимосвязанных, но существенно различающихся и гносеологически самостоятельных аспектах: *как модель мира идей и как реально существующее множество явлений.* Так, например, типология государств предполагает первоначальное индуктивное формирование представления о типе государства вообще, то есть создание его базовой модели, а затем исследование конкретных государств посредством со- и противопоставления их свойств с типом.

На основе указанных словарных значений определим *тип правовых явлений в идеальном смысле как модель признаков множества явлений сферы правовой реальности, сформированную посредством выделения их наиболее существенных и устойчивых свойств, а в реальном — как совокупность явлений, выделяемых с использованием критерия обладания/необладания наиболее значимыми и существенными свойствами, в рамках более широкого множества однородных феноменов.*

Таким образом, термин «типичный» вполне уместно употреблять в словарном значении, то есть как воплощающий в себе характерные, наиболее существенные особенности какого-либо типа явлений, ярко выраженный, явный, наиболее часто встречающийся, характерный, обычный, естественный для какого-либо множества [3, с. 1324]; наиболее ярко и характерно представляющий собой некий общий класс явлений [18, с. 1357].

Преломляя сказанное через призму методологии изучения правовых явлений, для цели настоящего исследования заключим, что *типичные правовые явления представляют собой явления правовой реальности, которые обладают наиболее характерными, устойчивыми и существенными свойствами в ряду прочих явлений указанной сферы.*

Применяя контрадикторно-трансформационный метод, определим *нетипичные правовые явления как явления правовой реальности, которые, имея некоторые общие свойства с классом базовых, типичных, не обладают при этом наиболее характерными, устойчивыми и существенными свойствами*

по сравнению с типичными феноменами указанной сферы, либо к ним в ходе развития добавлено или выявлено нехарактерное для них свойство.

Теперь мы можем определить и диалектически соотнести понятия «типичность» и «нетипичность» для сферы явлений правовой реальности. Используя методологию построения изолирующей абстракции, определим понятие «типичность правовых явлений» применительно к объектно-предметной области настоящего исследования как *наиболее существенное свойство множества однотипных явлений правовой реальности, позволяющее однозначно разграничить их со всеми другими однородными, смежными явлениями.* Используя познавательный потенциал контрадикторно-трансформационного метода и ранее установленную закономерность возникновения нетипичных правовых явлений путем *добавления к типичным нехарактерного для них свойства, изъятия или замены такового,* определим нетипичность правовых явлений как *свойство совокупности однотипных явлений правовой реальности во множестве однородных, возникшее в результате добавления к типичным нехарактерного для них свойства, изъятия у типичных явлений их наиболее свойственного свойства, включая замену последнего нетипичным, при непрерывном условии сохранения общих сходств родового феноменологического множества.* При этом методологической ошибкой будет не уделить внимания последнему аспекту, а именно условию сохранения общих сходств родового феноменологического множества. Так, например, нетипичные формы правления должны предполагать наличие всех свойств форм правления, а не политико-правового режима или чего-то еще.

Таким образом, типичные и нетипичные явления состоят между собой в отношениях логической контрадикторности. С методологической точки зрения это означает, что познание нетипичных явлений возможно осуществить посредством контрадикторного противопоставления их типичным.

Типизируя явления юридической реальности, мы можем получать знания об их типах. Далее, *контрадикторно отрицая типичные признаки юридического явления или добавляя к нему нетипичные, мы методологически обоснованно можем получать научное знание о нетипичных юридических явлениях.*

Нетипичными правовыми явлениями считаем *вещи, то есть стабильно существующие явления, процессы и отношения, которые имеют общие формальные и содержательные свойства со множеством типичных вещей, процессов и отношений, но не совпадают с ними по другим, как формальным, так и содержательным, свойствам.*

Если наше исследование закономерностей возникновения и обнаружения нетипичных явлений юридической реальности верно, то рекомендации по образованию и употреблению терминологии с использованием форм имени прилагательного «нетипичные» могут быть следующими. Называть нетипичными допустимо те множественные или единичные юридические явления, которые имеют общие как формальные, так и содержательные свойства с типичными. При этом существование множества последних не вызывает обоснованных

возражений. Например, единичным нетипичным явлением можно назвать социалистическое правосознание [7], представляющее собой источник права в РСФСР революционного периода, а множественными — административные правовые акты, такие, например, как концепция регулирования, стратегия, дорожная карта, различные программные документы [13].

Несколько иначе обстоит дело с закономерностями возникновения юридических квазиявлений. Отметим, что в правовых актах морфема «квази-» присутствует, но весьма ограничено. Так, нам удалось обнаружить только один документ «Методика формирования статистики внешней торговли Российской Федерации услугами»², утвержденный Банком России. В нем есть упоминания о строительных квази-корпорациях (бригады и отдельные работники), выполняющих заранее согласованный с заказчиком объем работ. Написание термина, обозначающего изучаемое явление, через дефис показывает отрицание автором текста указанной методики правила о слитном его правописании. Возможно, настоящее исследование убедит его и других в целесообразности следования изложенному методологическому подходу решения терминологических проблем.

С содержательной точки зрения отметим значимое для настоящего исследования обстоятельство понимания строительных квазикорпораций. Банк России непосредственно утверждает, что деятельность таких субъектов права «относится к услугам, а не к оплате труда, поскольку не имеет в основе двусторонних отношений между резидентом и нерезидентом принципа “работодатель – работник”». Ознакомление с текстом данного документа позволяет сделать вывод о том, что использование морфемы «квази-» обусловлено существенным содержательным сходством строительных квазикорпораций с их базовым явлением — строительными корпорациями в части формирования статистики внешней торговли услугами. При этом формальное юридическое различие Банком России подчеркнуто весьма определенно — правоотношения, понимаемые в данном случае как способ юридического оформления социальных связей, с такими субъектами не имеют в своей основе принципа «работодатель – работник». Иными словами, различие между строительными квазикорпорациями и строительными корпорациями, использующими работников на основе трудовых отношений, имеет *строго формальный с юридической точки зрения характер*. Корпорации используют работников в рамках юридически оформленных трудовых правоотношений, а квазикорпорации — нет. Таким образом, строительная квазикорпорация как субъект права имеет со строительной корпорацией только содержательные общие признаки, такие как множественность участников и строительная деятельность. Однако *формального юридического свойства, то есть собственно трудовых правоотношений, в которых их участники имеют именно трудовые права и обязанности, у строительной квазикорпорации нет.*

² Методика формирования статистики внешней торговли Российской Федерации услугами [Электронный ресурс] // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/meth_com_ext_tr_s/ (дата обращения: 19.04.2021).

В принципе, такой подход к пониманию юридических квазиявлений оправдан, так как позволяет относить к ним те, которые формально отличны от базовых, тогда как принципиально значимые содержательные свойства у них в значительной степени совпадают. При этом генетически юридические квазиявления произошли именно в силу изменения внешних, формальных юридических свойств при сохранении общих с базовыми содержательных и функциональных свойств.

Если считать наше предложение достаточно обоснованным, то возникает теоретическая и практическая возможность терминологически разграничить юридические квази- и псевдоявления, к которым предлагаем относить те, которые имеют только формальную, внешнюю общность свойств с базовыми при существенном содержательном их различии.

На наш взгляд, существо юридических псевдоявлений лучше всего отразил В. И. Ленин в ходе своего заключительного слова по докладу о продовольственном налоге на X Всероссийской конференции РКП(б), задав риторический вопрос: «Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз прийти в учреждение, наконец, получает нечто формально правильное, а по сути издевательство?» [10, с. 328]. Полагаем возможным определять *юридические псевдоявления как образованные от базовых юридических явлений путем существенного изменения содержательных, функциональных свойств при сохранении всех внешних, формальных.*

Распространенность терминов с морфемой «псевдо-» в правовых актах весьма незначительна и наблюдается только в текстах весьма узкоспециализированных актов, например в Решении Совета Евразийской экономической комиссии от 29 марта 2019 года № 32 «О внесении изменений в технический регламент Таможенного союза «О безопасности парфюмерно-косметической продукции» (ТР ТС 009/2011)», в котором обозначено вещество «6,10-Диметил-3,5,9-андекатрин-2-он (псевдо ионон)». В науке терминология с морфемой «псевдо-» представлена значительно шире и использована корректнее.

Так, выделяя признаки псевдоколлизий в праве, В. А. Толстик указывает: «Псевдоколлизия будет иметь место тогда, когда в понятии, отражающем анализируемую ситуацию, не будет хватать хотя бы одного признака присущего коллизии в праве. ...Во-первых, *внешне* (курсив наш. — П. В.) противоречащие друг другу нормы (акты) могут быть предназначены для регулирования разнородных общественных отношений...» [19, с. 5]. Заметим, что в тексте работы В. А. Толстик, обозначая неоднократно признаки псевдоколлизий в праве, всегда отмечает только внешнюю их схожесть с коллизиями. Это значимо, диалектика формы и содержания позволяет сделать вывод о том, что *базовые и псевдоявления имеют в качестве общих только внешние, то есть формальные свойства, но не имеют содержательных, составляющих сущность явления.*

Подводя итог, отметим следующее.

Руководствуясь принципом научной точности употребления терминологии, можно предложить следующий вариант правил разграничения использования форм имени прилагательного «нетипичные», а также морфем «квази-» и «псевдо-».

Формы имени прилагательного «нетипичные» более приемлемы для обозначения явлений, имеющих как содержательные, так и формальные общие и различные свойства с базовыми, называемыми в этом случае типичными и образующими тип как генеральную совокупность признаваемых явлений. То есть нетипичными удобнее всего называть *множественные* явления, которые имеют одно или несколько общих сущностных и формальных свойств с типичными, *но при этом имеют также сущностные и формальные свойства, которые не присущи последним*. Формами данного имени прилагательного полагаем уместным называть, например, нетипичные источники права, нетипичные юридические акты и другие.

Приставку «квази-» полагаем уместным использовать в тех случаях, когда у базовых и квазиявлений есть общность только некоторых юридически значимых содержательных свойств с базовыми явлениями, но нет аналогичной общности свойств формальных.

Приставку «псевдо-» считаем уместной для обозначения явлений, которые имеют только формальные общие свойства с базовыми, но не обладают с ними общностью содержательных, функциональных свойств. Такие явления создают только видимость наличия базовых свойств и лучше всего могут быть охарактеризованы приведенным выше ленинским высказыванием.

Рассмотрев основы методологии понимания и обозначения юридических нетипичных, квази- и псевдоявлений, полагаем уместным обозначить проблему совмещения нетипичных и квазиявлений, а также нетипичных и псевдоявлений в сфере юриспруденции, которая может быть предметом более общего исследования.

Литература

1. Александренко М., Слюняев Д. Псевдольготы — тормоз на пути прогресса // Актуальные проблемы российского права и законодательства: сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых / сост. Е. В. Василенко. Екатеринбург: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2016. С. 45–47.
2. Баранец Н. Г. Философия науки: учебное пособие для аспирантов. Ульяновск: Вектор-С, 2011. 200 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Васильев П. В. О разработке основополагающей типологии государственно-правовых явлений // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 2. С. 108–118.
5. Васильев П. В. Правовые последствия и квазипоследствия: постановка проблемы соотношения явлений: монография. Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2021. 72 с.

6. Вертлиб Ф. О., Чирков Е. В. К вопросу о квази уголовной ответственности юридических лиц // Уголовный процесс: от прошлого к будущему: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч. / под ред. А. И. Бастрыкина. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. С. 227–231.

7. Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

8. Зайков А. В. Илоты древней Спарты: псевдо-рабский правовой статус и организованное социальное насилие (попытка объяснения феномена) // Россия в мире XXI века: между насилием и диалогом: материалы XVI Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета: в 2 т. / ред. кол.: Л. А. Закс [и др.]. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2013. С. 452–459.

9. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. / пер. с англ. И. З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

10. Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. 43. 561 с.

11. Микрюков В. А. О государственной регистрации квази-ограничений и квази-обременений прав на недвижимое имущество // Нотариус. 2009. № 1. С. 24–27.

12. Муромцев С. А. О консерватизме римской юриспруденции: опыт по истории римского права. М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1875. 189 с.

13. Осинцев Д. В. Методы формирования административной политики // Административное право и процесс. 2014. № 4. С. 13–19.

14. Розенталь Д. Э. Пособие по русскому языку для поступающих в вузы. М.: ОНИКС 21 век: Мир и Образование, 2004. 416 с.

15. Самойлов С. Ф., Насиров М. Н. Методологические основания интегративной природы социального познания. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2011. 158 с.

16. Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. 2021. Т. 74. № 2. С. 9–20.

17. Сырых В. М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юстицинформ, 2001. 528 с.

18. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: АСТ, 2003. 1582 с.

19. Толстик В. А. Коллизии и псевдоколлизии в праве: проблема разграничения // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 336–341.

20. Ухова П. С. Современные тенденции развития (квази)спонтанной студенческой коммуникации: прагмасинтаксический аспект // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сборник научных трудов Международного научного симпозиума / науч. ред. В. Н. Степанов. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2019. С. 573–586.

Literatura

1. Aleksandrenko M., Slyunyaev D. Pseudol'goty' — tormoz na puti progressa // Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava i zakonodatel'stva: sbornik materialov

IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov, molody`x ucheny`x / sost. E. V. Vasilenko. Ekaterinburg: Sibirskij institut biznesa, upravleniya i psixologii, 2016. S. 45–47.

2. Baranecz N. G. Filosofiya nauki: uchebnoe posobie dlya aspirantov. Ul`yanovsk: Vektor-S, 2011. 200 s.

3. Bol`shoj tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.

4. Vasil`ev P. V. O razrabotke osnovopolagayushhej tipologii gosudarstvenno-pravovy`x yavlenij // Lex russica. 2021. T. 74. № 2. S. 108–118.

5. Vasil`ev P. V. Pravovy`e posledstviya i kvaziposledstviya: postanovka problemy` sootnosheniya yavlenij: monografiya. Ul`yanovsk: Izdatel` Kachalin Aleksandr Vasil`evich, 2021. 72 s.

6. Vertlib F. O., Chirkov E. V. K voprosu o kvazi ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskix licz // Ugolovny`j process: ot proshlogo k budushhemu: materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 ch. / pod red. A. I. Bastry`kina. M.: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2014. S. 227–231.

7. Dekret VCIK ot 30 noyabrya 1918 g. «O Narodnom Sude Rossijskoj Socialisticheskoy Federativnoj Sovetskoj Respubliki (Polozhenie)» // SU RSFSR. 1918. № 85. St. 889.

8. Zajkov A. V. Iloty` drevnej Sparty`: psevdorabskij pravovoj status i organizovano-social`noe nasilie (popy`tka ob`yasneniya fenomena) // Rossiya v mire XXI veka: mezhdunarodny` dialogom: materialy` XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Gumanitarnogo universiteta: v 2 t. / red. kol.: L. A. Zaks [i dr.]. Ekaterinburg: Gumanitarny`j universitet, 2013. S. 452–459.

9. Kun T. Struktura nauchny`x revolyucij. S vvodnoj stat`ej i dopolneniyami 1969 g. / per. s angl. I. 3. Naletova. M.: Progress, 1977. 300 s.

10. Lenin V. I. Zaklyuchitel`noe slovo po dokladu o prodovol`stvennom naloge // Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. M.: Izd-vo politicheskoy literatury`, 1970. T. 43. 561 s.

11. Mikryukov V. A. O gosudarstvennoj registracii kvazi-ogranichenij i kvazi-obremenij prav na nedvizhimoe imushhestvo // Notarius. 2009. № 1. S. 24–27.

12. Muromcev S. A. O konservatizme rimskoj yurisprudencii: opy`t po istorii rimskogo prava. M.: Tipografiya A. I. Mamontova i Ko, 1875. 189 s.

13. Osincev D. V. Metody` formirovaniya administrativnoj politiki // Administrativnoe pravo i process. 2014. № 4. S. 13–19.

14. Rozentel` D. E`. Posobie po russkomu yazy`ku dlya postupayushhix v vuzy`. M.: ONIKS 21 vek: Mir i Obrazovanie, 2004. 416 s.

15. Samojlov S. F., Nasirov M. N. Metodologicheskie osnovaniya integrativnoj prirody` social`nogo poznaniya. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2011. 158 s.

16. Sinyukov V. N. Pravo XX i XXI vekov: preemstvennost` i novizna // Lex russica. 2021. T. 74. № 2. S. 9–20.

17. Sy`ry`x V. M. Logicheskie osnovaniya obshhej teorii prava: v 2 t. T. 1: E`lementny`j sostav. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Yusticinform, 2001. 528 s.

18. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka / pod red. D. V. Dmitrieva. M.: AST, 2003. 1582 s.

19. Tolstik V. A. Kollizii i psevdokollizii v prave: problema razgranicheniya // Yuridicheskaya texnika. 2017. № 11. S. 336–341.

20. Ухова П. С. Sovremenny`e tendencii razvitiya (kvazi)spontannoj studencheskoj kommunikacii: pragmasintaksicheskij aspekt // Russkaya grammatika: aktivny`e processy` v yazy`ke i rechi: sbornik nauchny`x trudov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma / nauch. red. V. N. Stepanov. Yaroslavl` : Yaroslavskij gosudarstvenny`j pedagogicheskij universitet im. K. D. Ushinskogo, 2019. S. 573–586.

P. V. Vasiliev

**Nontypical, Quasi- and Pseudo-Phenomena of Legal Reality:
Individual Problems and Hypotheses for their Solution**

The article deals with the problems of the formation and use of legal terms using the forms of the adjective «nontypical», as well as the morphemes “quasi” and «pseudo». It is proposed to use the adjective «nontypical» to call multiple phenomena that have both substantive and formal commonality with the basic ones, with a difference also in content and formal properties. It is appropriate to use the prefix «quasi» to denote phenomena that are similar to the basic ones only in meaning and to use «pseudo» to denote the phenomena that are similar to the basic ones only formally.

Keywords: legal terminology; nontypical legal phenomena; legal quasi-phenomena; legal pseudo-phenomena.